

© **Н. И. СЕНИК**

*Дальневосточный государственный гуманитарный университет
Senik_n_i@mail.ru*

УДК 37.015(091)(47+57)

**ШКОЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НА СОВЕТСКОМ
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В 20-е гг. XX в.**

**SCHOOL CONSTRUCTION IN THE SOVIET FAR EAST
IN THE 20-s OF THE TWENTIETH CENTURY**

Статья посвящена анализу локального историко-педагогического опыта школьного строительства в 20-е гг. XX в. на Дальнем Востоке с целью осмысления в генезисе процессов созидания исторической реальности — советской школы с позиции регионального опыта, предполагающего, с одной стороны, что организационно-реформационные общероссийские идеологические концептуальные ориентиры в сфере образования реализуются в регионах, обеспечивая в них процессы социокультурных региональных трансформаций; с другой стороны — в созидательных процессах регионов, осуществляемых в соответствии с системно и структурно организованными отношениями с «центром», зарождаются тенденции и по принципу суммативности обеспечивается развитие общероссийских тенденций становления в целом новой российской школы [3].

Автор статьи показывает концептуальный характер поставленных перед школой задач, теоретических представлений педагогов-марксистов о советской школе, исшедших из базовой идеи превращения школы в орудие коммунистического перерождения общества, получивших конкретизацию в организационных установках, единых для всей территории Советского Союза, на создание основ советской школы в 20-е гг. XX в. на принципах массовости, всеобщего охвата детей школьным образованием, доступности, обязательности.

В статье анализируется школьное строительство на Дальнем Востоке в 20-е гг. XX в. как процесс разрешения противоречий между концептуальными организационно-реформационными общероссийскими идеологическими установками и региональными условиями — местности со слабо развитой системой путей сообщения, почти недоступной для связи значительную часть года, с наличием обширных малозаселенных зон; между потребностью в квалифицированном учительстве для реализации образовательных задач и «хронической нехваткой» подготовленных педагогических кадров.

Созидательные процессы автор соотносит с процессами изменения, сопровождаемыми противоречиями, факторами, трансформационными процессами, тенденциями, предпосылками как внутренними механизмами изменения школьной действительности, на которых основывается осмысление, объяснение, интерпретация, обобщение.

Автором показано, что в результате целенаправленного комплекса практических мер по реализации установок, к осуществлению которых были привлечены все органы дальневосточной власти, в созидательном процессе вызревали и получали

устойчивое развитие тенденции к коренной реорганизации школьной системы на Дальнем Востоке, переводу ее из одного качественного состояния, в котором она находилась в начале 20-х гг. XX в., — в другое, какое она обрела к концу 20-х гг. XX в. по общероссийскому образцу: системную совокупность школ I ступени, 7-, 9-, 10-летних школ, принципиальными основами которой были доступность, народность, всеобщность, обязательность. На основе проведенного анализа автор обращает внимание на региональные детерминанты, обусловившие появление предпосылок общероссийских тенденций, вызвавших в 30-е гг. XX в. изменение направлений в школьной политике, определивших организационно-реформационные действия по оптимизации содержания школьного обучения, упорядочению организации образовательного процесса, послуживших ее развитию вплоть до конца 80-х гг. на принципах единства и стройности образовательной системы, четкости целей и образовательных задач, служения жизни, полезности и, как результат, — созданию необходимых условий для формирования в кратчайшие исторические сроки мощнейшего образовательного потенциала, одной из самых мощных систем образования в мире [11].

In this article the author analyzes the local historical and educational experience of school construction in the 20-s of the twentieth century in the Far East with the aim of understanding the processes of creation of historical reality — the Soviet school — from the regional perspective in the genesis, involving, on the one hand, that organizational and reforming all-Russia ideological conceptual guidelines in education are implemented in the regions, providing them with social and cultural processes of regional transformations; on the other hand, that regional creative processes carried out in accordance with systematic and structured relationship with the “center” ensure formation of certain trends and provide the development of nationwide trends of a new Russian school formation on the principle of summative development [3].

The author of the article has demonstrated the conceptual character of the tasks set for schools (theoretical vision of the Soviet school by Marxist teachers, based on the idea of turning school into a tool of communist rebirth of society, specified in organizational settings, common for the entire territory of the Soviet Union) to establish the foundations of the Soviet school in the 20-s of the twentieth century on the principles of number, universal school enrollment, availability, and compulsion.

The author analyzes school construction in the Far East in the 20-s of the twentieth century as a process of resolving contradictions between the conceptual organizational and reforming all-Russia ideological and regional conditions — the areas with weak development and infrastructural difficulty, inaccessible for a significant part of year, having extensive sparsely populated areas; and experiencing both the need for qualified teaching staff to realize educational tasks and “chronic shortage” of trained teachers.

The author relates the creative processes to the processes of change, accompanied by contradictions, factors, transformational processes, trends, and assumptions as internal mechanisms for altering school reality, based on understanding, explanation, interpretation, and generalization.

The author reveals that as a result of a focused set of practical measures for the implementation of settings, involving all Far East authorities, the trends towards a radical reorganization of the school system in the Far East, its transfer from one qualitative state of the early 20s of the XXth century, which evolved and got the sustainable development into another state, which it acquired at the end of the 20-s. of the XXth century according to the national all-Russia pattern: a set of level I schools, 7-, 9-, 10-year schools, the fundamentals of which were formed by schools being available, national, universal, and obligatory.

Basing on the conducted analysis the author draws attention to the regional determiners that led to some signs of prerequisites for nationwide trends, which in the 30-s

of the twentieth century initiated the changing directions in school policy that caused organizational and reforming actions to optimize the content of schooling, streamlining the organization of educational process, which stimulated its development until the end of the 80-s on the principles of unity and harmony of the educational system, the clarity of goals and educational objectives, service to life, beneficial character, and as a result — to the creation of the necessary conditions for the establishment in the shortest historical period of the most powerful educational potential, one of the most powerful education systems in the world [11].

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Советская школа, школьная политика, школьная сеть, учительство, факторы, тенденции, предпосылки.

KEY WORDS. The Soviet school, school policy, school network, teaching, factors, trends, assumptions.

Говоря о Дальнем Востоке, мы имеем в виду тот регион, который в разное время назывался Дальневосточная область (1922-1926 гг.) и Дальневосточный край (1926-1938 гг.), где период социалистического строительства начался в 1922 г. В силу общности исторических условий и реализуемых ими тенденций мы обращаемся к административно-территориальным единицам — Дальневосточная область (ДВО) и Дальневосточный край (ДВК) как единому региону. Переустройство школьного дела в 20-е гг. XX в., как показали наши исследования, осуществлялось в соответствии с концептуальными ориентирами школьной политики, формировавшейся в соответствии с пониманием коммунистических идей.

Поиск «толчковой» концептуальной идеи в школьной политике в 20-е гг. XX в. привел нас к Программе российской коммунистической партии большевиков (1919 г.), содержащей «исполинскую стратегическую установку» (Ф. Панагин) [10, с. 8]: «довести превращение школы... в орудие коммунистического перерождения общества» [6, с. 48]. Содержание данной формулировки выражает государственную потребность в школе как институте переустройства жизни на новых идеологических началах. В этой связи А. В. Луначарский, руководитель Наркомпроса, подчеркивая, что «..нашу страну окружает новая нигде не испытанная форма общественного устройства», поставил задачу: создать совершенно новый, нигде не испытанный вид школы — школу социалистическую [5]. Педагоги-марксисты, признавая установку, ставшую общепедагогической, на воспитание как решающий фактор социалистического строительства, утверждали, что *школа является «наиболее желательной средой», под влияние которой необходимо поставить всех детей* [11]. В эти годы создателями новой школы акцентировалась идея воспитания всесторонне и гармонически развитого человека, человека нового типа.

Необходимость реализации данных идей, считаем, и определила основные направления школьного строительства в 20-е гг. XX в.: *покрыть школьной сетью всю страну до самых окраин и всю школьную сеть обеспечить надлежаще подготовленными педагогическими кадрами* [2]. В основу формировавшейся школьной системы были положены принципы: массовость, доступность, всеобщий охват детей школьной сетью; задачи — служение жизни, полезность, соединение обучения с производительным трудом. К воспитательным средствам отнесены комплексные программы ГУСа, где каждый учебный предмет, методы обучения — бригадно-лабораторный или метод проектов, Дальтон-план, — «несут мировоззренческий заряд», а также — общественно полезная

работа, пионерское и комсомольское движение. Решение задачи создания армии учителей для реализации заявленных целей образования (всеобщее образование, культурное развитие всех граждан страны, воспитание свободного человека, труженика, коллективиста) возлагалось на сеть педагогических учебных заведений — педагогические вузы и педагогические техникумы, курсовую подготовку, организацию методической работы, широкое привлечение учителей к систематической общественной и культурно-просветительной работе с населением.

Так в 20-е гг. XX в. были сформулированы концептуальные основания советской школы, обозначены ориентиры на организационные действия по ее строительству, единые для всей территории Советского Союза.

Строительство школьной сети на Дальнем Востоке в 20-е гг. XX в., как показали исследования, происходило в условиях сложнейшего, нестабильного социально-экономического и политического положения, осуществлялось в «сжатые сроки» в «жестком темпе» советизации, целью которой провозглашались *переформирование* существовавшей общеобразовательной школы, образование единой системы народного просвещения по образцу европейской части РСФСР (ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 28. Л. 17). Органы власти на Дальнем Востоке рассматривали вопросы школьного образования как «первенствующие, громадной важности политические вопросы» (ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 11. Л. 4). Действия «организационно-административного характера» были направлены на введение всеобщего начального обучения и профессионализацию школьного образования [8, с. 44], обеспечивших «форсированный, спешный характер работ» по развертыванию сети школ I ступени. Об этом свидетельствует положительная динамика показателей охвата обучением детей уже в первой половине 20-х гг.: если в феврале 1923 г. в возрасте 8-14 лет на Дальнем Востоке обучалось 36,84% детей школьного возраста, то, согласно архивным документам, в 1923/24 г. количество детей, охваченных школой I ступени, от общего числа детей составляло уже 44,6%, а в 1925/26 г. — 52,5% (ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 28. Л. 17). Сетевые показатели второй половины 20-х гг. говорят, что охват детей школой I ступени в ДВК увеличился от 58,2% в 1927/28 уч. г. до 71,7% в 1929/30 уч. г. (ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 28. Л. 2).

Ростом числа школ, «неразрывно связанных с производством», открытием школ ФЗУ, ФЗС, ШКМ, профессионализацией второго центра школ II ступени как мерами, необходимыми для экономического подъема края, была также обеспечена положительная динамика показателей сети «повышенных» школ. Из доклада ДКОНО на II краевом съезде Советов «О состоянии НО в ДВК»: школ соцвоста повышенного типа в 1926/27 г. — 98, что составляло к 1914 г. 101%, к предшествовавшему — 130%. Число учащихся в них — 21400 человек, или 225% к 1914 г., 118% — к предшествовавшему. Количественно сеть школ повышенного типа за два года выросла на 76,7% [8, с. 45].

Показателем результативности практической деятельности органов дальневосточной власти в школьном строительстве было и распространение школьной сети в северные районы, обслуживание переселенцев.

Туземное население было «разбросано» мелкими группами на огромной территории Дальнего Востока, в его состав входили тунгусы, чукчи, коряки, ламуты, гольды, гиляки, орочены, ольчи, негидальцы, орочи, ороки, удехе, манегры, самагиры, чуванцы, юкагиры, алеуты, эскимосы и др. (ГАХК. Ф. Р-704.

Оп. 1. Д. 28. Л. 17). Поскольку точный учет детей туземцев произвести не было возможности, детей 8-11 лет в среднем было взято 10% из общего числа туземного населения и срок введения всеобщего обучения у них планировался на два года позже, чем для детей русскоязычного населения [8, с. 23-24]. Для обучения туземцев открывали школы интернатного типа, на севере получили распространение культбазы — учреждения училищно-медико-кооперативного типа, куда входили школа-интернат, заезжий дом для родителей, фельдшерский и ветеринарный пункты и кооператив со складом для огнеприпасов и мехов и лавкой с предметами для туземного обихода, а также необходимыми кузнечными, столярными и бондарными мастерскими. В конце 20-х гг. в крае работало 62 школы для 22 национальностей северных окраин.

Показатели «чрезвычайно слабого участка» в деятельности Далькрайно по организации школьной сети для населения из национальных меньшинств края — переселенцев (ГАХК. Ф. 137. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 129-129 об.) также свидетельствуют о положительной динамике числа открывавшихся школ. В 1929/30 г. в крае работали: 191 корейская школа, 4 китайских, 3 еврейских, 3 татарских, 5 молдавских, 6 немецких, 2 польских, 1 латышская, 1 литовская, 3 эстонских, 1 австро-румынская, 2 мордовских, 1 японская [5].

Но, несмотря на положительную динамику общих сетевых показателей, как говорят документы, стабильности в работе школ, обеспечения массовости, доступности, всеобщего охвата детей школьной сетью для «большинства местностей края» достигнуто не было, сеть охватывала далеко не всех детей школьного возраста (ГАХК. Ф. 1074. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2). Продолжительность учебного года не была стабильной, занятия в сельских школах начинались в октябре, а то и в ноябре—декабре, заканчивались в марте—апреле; посередине учебного года, зимой по разным причинам допускался значительный перерыв (ГАХК. Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 8. Л. 36). К причинам нестабильной работы школ относили «недостаточность контингента учащихся», значительный отсев детей из-за «домашних обстоятельств», слабого здоровья детей, праздников, не предусмотренных законом о труде, «естественных препятствий» — удаленность школы от места жительства детей, неудобство, а зачастую отсутствие путей сообщения; трудное материальное положение родителей учеников (ГАХК. Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 8. Л. 36-38). Так, в городской школе до четвертой группы из 100 поступивших в первую группу доходило 87, в последнюю группу 7-летки — 40 учащихся и в выпускную средней школы — 13 человек. Из каждой сотни поступивших в первую группу сельской школы 1-й ступени до 4-й группы добиралось в среднем 28 учащихся, до последней группы 7-летки — 2 учащихся и до выпускной группы — 0,1 учащийся.

В этой связи в ряду срочных мероприятий Далькрайно на основании специального распоряжения Главсоцвоса были установлены твердые сроки начала и окончания учебного года: для городов 1 сентября—15 июля; для сельских — 15 сентября—1 июня, удлинен учебный год (185 дней для сельских школ и 210 для городских), урегулированы сроки и продолжительность каникул. Принимались меры по организации подвоза детей из селений, отстоящих далеко от школы; организации общежитий, ночлежек при школах, обслуживающих несколько разбросанных в большом районе селений; оказанию помощи бедным детям обувью, одеждой, в некоторых случаях оказывалась помощь родителям, при-

нужденным по бедности привлекать детей к различному труду; организация в школах горячих завтраков, бесплатное снабжение учебниками (ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 11. Л. 4); был взят «решительный курс на форсирование темпа строительства помещений для школ» (ГАХК. Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 29. Л. 1-3).

Так, целенаправленным комплексом мер, принятых органами дальневосточной власти, Дальний Восток, имеющий пограничное положение, значительно отдаленный от «центра», с труднодоступными северными районами, слабо развитой системой путей сообщения, местностью с обширными малозаселенными зонами, почти недоступными для связи значительную часть года, где до 1925 г. «продолжались вылазки белобандитов», был покрыт школьной сетью, обеспечившей к концу 20-х гг. XX в. охват основной части детей школьного возраста.

Подготовку педагогических кадров осуществлял педагогический факультет Дальневосточного университета (в конце 20-х гг.), педагогические техникумы, педагогические уклоны 9-летней школы и школы II ступени. Основным средством, осуществлявшим подготовку и переподготовку работавших учителей были курсы, поскольку в связи с высоким темпом открытия школ в роли учителей зачастую оказывались совершенно малограмотные люди, не имевшие даже достаточного общеобразовательного уровня. Основную часть учительства к концу 20-х гг. составляли рабочие, батраки, бедняки и середняки — 66%, служащие — 29,5%, прочие — 4,4% [1, с. 39].

Обучение на курсах имело направленность на обеспечение прежде всего педагогической грамотности учителей, углубление методических знаний, изучение основ детской психологии и физиологии, методов изучения ребенка, «проработку» программ ГУСа. На занятиях немало времени уделялось вопросам дисциплины, методам воспитания детей (ГАХК. Ф. Р-1074. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 37). В эти годы получили развитие такие формы подготовки учителей, как самокурсы, курсы-конференции, съезды, районные конференции, регулярные производственные совещания, проводившиеся перед началом учебного года для постановки перед учительством задач, четких установок на учебный год. Учителей ориентировали также на решение таких проблем, как необходимость связывать свою работу с задачами индустриализации страны, участвовать в реконструкции сельского хозяйства и поднятии урожайности.

Однако о жизненных реалиях тех лет свидетельствуют материалы, где говорится о том, что учителя, невзирая на все меры к их подготовке, в основном продолжали обучение по старому учебному плану, пользовались традиционными методами, т. е. «учили по-старому, потому что они просто не умели иначе». Несмотря на множество приходивших в школы методических писем, директив, циркуляров, журналов НКП, Дальоно, Далькрайно, большинство учителей часто не могли понять их содержание. Проверяющие во время своих командировок обнаруживали, что многие номера журналов («На путях к новой школе», «Еженедельник НКП РСФСР» и др.) лежали в школах непрочитанные, с неразрезанными страницами и нераспечатанные [5, с. 69]. Сложные условия, в которых работали учителя, делали какие бы то ни было нововведения маловероятными. Школы страдали от ужасной нехватки всего: карандашей, топлива, учебных программ, учебников. Многими учителями, даже работавшими в «сносных условиях», новый учебный план, комплексный метод, Дальтон-план отвергались сознательно.

Ни профессиональная подготовка, ни собственный опыт не толкали их на разрыв с традиционным обучением. Разнородный качественный состав учительства в 20-е гг. XX в. усложнял решение ряда задач из-за «политической неблагонадежности» учителей. Наряду с «бесспорно советскими» были и учителя, «занесенные из Европейской России волной отступления колчаковских отрядов», учительствовали и «екатерининские отставные солдаты» и, как представляли себе блюстители власти, «притаившиеся враги, агенты кулачества, беспринципные, постоянно колеблющиеся элементы, пособники реакционно-кулацких сил в деревне», представители духовенства [9, с. 43-44].

Анализ этих проблем находит объяснение: это прежде всего признак временных реалий, вполне соответствующий переходному историческому периоду, когда основным показателем школьного строительства была количественная сторона: «...чему-нибудь учить, и то будет хорошо. Забота была одна: как бы сделать так, чтобы не падало количество учащихся, как бы учителей удержать» [2, с. 27]. Вместе с тем именно деятельностью учителей в эти годы было обеспечено зарождение и развитие тенденций к изменению содержания педагогической деятельности в соответствии с требованиями исторического периода. Документы засвидетельствовали «большую работу учителей» по пионерскому движению, организации революционных демонстраций, проведению вечеров, гуляний, сборов, детских утренников, бесед о вождях пролетарской революции, печатании плакатов и др. (ГАХК. Ф. Р-624. Оп. 1. Д. 3. Л. 18). Проводились такие мероприятия, как групповое присутствие на митингах и торжествах комсомола, устройство собраний пролетарской детворы, не вошедшей еще в пионерские группы, организация массовых игр, посещение заводов, мастерских и т. д., а также вольная сокольская гимнастика, пирамиды, трудовой лагерь, клубные дни, диспуты. Самоуправление учащихся, работы по самообслуживанию стали обычным явлением как в сельской, так и в городской школе обеих ступеней (ГАХК. Ф. Р-1074. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 31).

Аналитические обобщения результатов практической деятельности органов дальневосточной власти позволяют утверждать, что на Дальнем Востоке были обеспечены ускоренные темпы небывалым по масштабам трансформационным процессам, обеспечившим в рекордно короткий исторический период радикальные изменения историко-педагогической действительности *как результат разрешения противоречий между концептуальными организационно-реформационными общероссийскими идеологическими установками, ориентированными на массовость, всеобщий охват детей школьным образованием и региональными условиями* — местности со слабо развитой системой путей сообщения, почти недоступной для связи значительную часть года, между потребностью в квалифицированном учительстве для реализации образовательных задач и «хронической нехваткой» педагогически и идеологически подготовленных педагогических кадров. Была обеспечена коренная реорганизация школьной системы на Дальнем Востоке, перевод ее из одного качественного состояния, в котором она находилась в начале 20-х гг. XX в., — в другое, какое она обрела к концу 20-х гг. XX в.: системную совокупность школ I ступени, 7-, 9-, 10-летних школ, принципиальными основами которой были массовость, доступность, народность, всеобщность, обязательность. Создана система подготовки и переподготовки учительства.

Вместе с тем анализ причин нестабильности в работе школ на Дальнем Востоке (организационных и педагогических) свидетельствует о появлении *предпосылок*, побудивших в 30-е гг. XX в. провести изменения в школьной политике в направлении упорядочения организации деятельности школ и образовательного процесса, оптимизации форм и методов школьного обучения (в том числе возврат к экзаменам, оценкам, методы контроля). Из анализа соответствия школьного строительства идеологическим ориентирам школьной политики как преодоления противоречий между концептуальным-идеальным и реальным-региональным видно, что в этом историческом периоде зарождались предпосылки и «тоталитарных тенденций» к единообразию, централизации, унификации, унитаризации, интеграции школьного образования в единое советское образовательное пространство, противоречащих регионализации как источнику развития и выразителя гуманистической сущности образования: стремление к всеобщей грамотности, тесной связи с производством, развитие самоуправления учащихся и др.

В целом, на основе проведенного анализа локального историко-педагогического опыта можем утверждать, что именно в 20-е гг. XX в. были заложены основы советской школы, послужившие ее развитию вплоть до конца 80-х гг. на принципах единства и стройности образовательной системы, четкости целей и образовательных задач, служения жизни, полезности, воспитания учащихся в духе высокой нравственности, патриотизма. В исследуемый исторический период были созданы фундаментальные условия для формирования в кратчайшие исторические сроки мощнейшего образовательного потенциала, одной из самых мощных систем образования в мире [11, с. 103]. Советская школа в 20-е гг. XX в. — это один из начальных этапов развития советской школы, являет собой одну из частей как отечественного, так и общего эволюционного историко-педагогического процесса [4, с. 73].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бакун Д. Школа Дальневосточного края на социалистической стройке. Хабаровск, Дальгиз, 1931. 45 с.
2. Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917-1927 гг.: становление «нового человека». СПб.: РАН, 2003. 239 с.
3. Беликова А. П. Региональные исследования и проблемы национальных ценностей в изучении историко-педагогического процесса // Национальные ценности образования: История и современность / под ред. З. И. Равкина; Институт теории образования и педагогики РАО. М., 1996. С. 23-25.
4. Богуславский М. В. Ценностные ориентации российского образования в первой трети XX в. // Педагогика. 1996. № 3. С. 72-75.
5. Вопросы всеобщего начального обучения в Дальневосточном крае: материалы к IV Пленуму Далькрайисполкома. Хабаровск: Далькрайоно, 1927. 35 с.
6. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1970. 8-е изд., доп. и испр. М.: Политиздат, 1970. Т. 2: 1917-1924. 543 с.
7. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. 1917-1973: сб. документов. М.: Педагогика, 1974.
8. Отчет Дальневосточного краевого исполнительного комитета за 1925-26 г. / под ред. М. П. Копытина, П. Е. Терлецкого. Хабаровск, 1927.
9. Павлов П. Ю. История развития народного образования в сельских районах Приамурья в 1922-1941 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Благовещенск, 2000.

10. Паначин Ф. Десять пятилеток просвещения // Народное образование. 1979. № 4.
11. Степашко Л. А. Философия и история образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 1998.
12. Холмс Л. Социальная история России. 1917-1941. Ростов н/Д, 1994.

REFERENCES

1. Bakun, D. Shkola Dal'nevostochnogo kraja na socialisticheskoj strojke [School of the Far East at a socialist construction site]. Khabarovsk: Dal'giz, 1931. 45 p. (in Russian)
2. Balashov, E. M. Shkola v rossijskom obshhestve 1917-1927 gg.: stanovlenie "novogo cheloveka" [School in Russian society of 1917-1927: formation of a "new man"]. SPb.: RAS, 2003. 239 p. (in Russian)
3. Belikova, A. P. Regional'nye issledovanija i problemy nacional'nyh cennostej v izuchenii istoriko-pedagogicheskogo processa [Regional studies and problems of national values in the study of historical and pedagogical process] / Edited by Z. I. Ravkin; Institute for education theory and pedagogics RAE. M., 1996. Pp. 23-25. (in Russian)
4. Boguslavskij, M. V. Cennostnye orientacii rossijskogo obrazovanija v pervoj treti XX veka // Pedagogika [The values of Russian education in the first third of the XXth century // Pedagogics]. 1996. № 3. Pp. 72-75. (in Russian)
5. Voprosy vseobshhego nachal'nogo obuchenija v Dal'nevostochnom krae [The issues of universal primary education in the Far East]: Materialy k IV Plenumu Dal'krajispolkoma. Khabarovsk: Dal'krajono, 1927. 35 p. (in Russian)
6. Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah sjezdov, konferencij i plenumov CK [The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of CC congresses, conferences and plenums]. 1898-1970. Iss. 8, abridged and corrected. M.: Politizdat, 1970. Vol. 2: 1917-1924. 543 p. (in Russian)
7. Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobrazovatel'naja shkola. 1917-1973 [Education in the USSR. Comprehensive school. 1917-1913]: Collection of documents. M.: Pedagogika, 1974. (in Russian)
8. Otchjot Dal'nevostochnogo kraevogo ispolnitel'nogo komiteta za 1925-26 god [Report of the Far East regional executive committee for 1925-26] / Edited by M. P. Kopytin, P. E. Terleckij. Khabarovsk, 1927. (in Russian)
9. Pavlov, P. Ju. Istorija razvitija narodnogo obrazovanija v sel'skih rajonah Priamur'ja v 1922-1941gg. [The history of education system development in the rural areas of the Amur region in 1922-1941]: Diss. Blagoveschensk, 2000. (in Russian)
10. Panachin, F. Desjat' pjatiletok prosveshhenija // Narodnoe obrazovanie [Ten Five-Year Periods of Enlightenment // Public education]. 1979. № 4. (in Russian)
11. Stepashko, L. A. Filosofija i istorija obrazovanija: Uchebnoe posobie dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij [Philosophy and History of Education. A training manual for university students]. M., 1998. (in Russian)
12. Holms, L. Social'naja istorija Rossii [Social history of Russia]. 1917-1941. Rostov n/D, 1994. (in Russian)

Автор публикации

Сеник Наталья Ивановна — доцент кафедры управления и экономики образования, соискатель кафедры педагогики Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Хабаровск)

Author of the publication

Natalia I. Senikh — Competitor of the Department of Pedagogy of Far Eastern State University for Humanities (Khabarovsk)